

ALFIA SMIRNOVA

 <http://orcid.org/0000-0001-9198-548X>

Московский городской педагогический университет

Институт гуманитарных наук

Животные на заклании (по повести Ивана Шмелева *Солнце мертвых*)

Общественное и общечеловеческое значение повести *Солнце мертвых*, по словам Александра Амфитеатрова, «поглотило в ней литературу. Ибо более **страшной**¹ книги не написано на русском языке»². Известный русский философ Иван Ильин, характеризуя эмигрантское творчество Ивана Шмелева, безошибочно определил главное в нем: «[...] Он сам, страдая и терзаясь вместе с Россией и о России, созерцает ее муку как явление мировой скорби»³. Небольшая по объему, эта повесть по концентрации трагических событий, их масштабам и последствиям, по авторскому восприятию мира и тональности – подлинная эпопея, как и определил ее жанр автор. Произведение состоит из тридцати пяти небольших глав, сюжетно организованных историей выживания-умирания героя-повествователя и его соседей по дачному поселку в Крыму (включая не только людей, но и животных) в 1921–1922 годах.

Солнце мертвых, по словам одного из первых рецензентов повести, – это «дневник-мозаика жизни в Крыму, когда уже отвоевали в нем грозы гражданской войны. [...] Мозаика людей, встреч, разговоров, картинок, интимнейших деталей повседневной жизни, наблюдений»⁴. Природный

¹ Все выделения полужирным шрифтом и разрядкой внутри цитат – А.С.

² С.И. Кормилов: *Шмелев в критике русского зарубежья 20–30-х гг.* В: *Наследие И.С. Шмелева. Проблемы изучения и издания: Сборник материалов международных научных конференций 2003 и 2005 гг.* Отв. ред. Л.А. Спиридонова. Москва 2007, с. 385.

³ И. Ильин: *Одинокий художник: Статьи, речи, лекции.* Москва 1993, с. 105.

⁴ В.И. Зензинов: *И.С. Шмелев. Солнце мертвых.* «Современные записки» 1927, т. III, с. 552.

фон описываемых событий – плодоносное время с жарким солнцем, осенняя непогода, зимние бури и ливни – усиливает сюжетную динамику с ее неумолимым движением к гибели всего живого.

В картине гибнущего мира животным отводится особое место. Они вынуждены разделить общую участь с человеком. Повествователь, размышляющий о том, что где-то «на каком-то другом свете» есть Париж, противопоставляет ему происходящее в Крыму: «А здесь звери в железе ходят, здесь люди пожирают детей своих, и **животные постигают ужас!**...»⁵. Сквозной мотив повести – связь человека и животного, усиливающаяся во времена природных катаклизмов и исторических катастроф, когда в человеке просыпается зверь. В то же время герой-повествователь, спасая от голода домашних птиц, делится с ними последними зернышками. Номинативно связь человека и животного выражается и в обозначениях «букашки-люди», «люди не люди – мошки», «зверь в железе ходят» (о тех, кто убивает).

В авторском видении происходящего люди и животные, с одной стороны, составляют единую биологическую цепочку «живого вещества планеты» (Владимир Вернадский), с другой, именно человек повинен в грядущем Апокалипсисе, сопровождающемся голодом, одичанием, смертью, и животные оказываются заложниками его деятельности. Животный мир представлен в повести широко и многообразно: орнитологическими образами – павлин, орлята, ястреб, голуби; домашними животными – лошадь, корова, собака, кошка, гуси, индюшка, куры; насекомыми – кузнечики, цикады, муравьи, пчелы, пауки, жуки. Автор показывает, что птицы, как и домашние животные, связаны с человеком, их жизнь зависит от него, и в наступившие «последние времена» обречены на смерть вместе с человеком. Эта связь проявляется не только на сюжетном уровне повествования, но и закреплена номинативно в именах персонажей: есть в повести **певчий дрозд** и почтальон по имени **Дрозд**; ястребы – **«стервятники крылатые»** и Шура-Сокол – **«стервятник»**. Он из тех, «что убивать ходят» (глава о нем так и называется).

Какая фамилия-то лихая! – восклицает повествователь. – А я знаю, что мелкий стервятник это.

Кто сотворил стервятника? В который день, Господи, сотворил Ты стервятника, если Ты сотворил его. Дал ему образ подобия Твоего... И почему он сокол, когда и не Шура даже?!⁶

⁵ И.С. ШМЕЛЕВ: *Солнце мертвых: Эпопея. В: С того берега: Писатели русского зарубежья о России. Произведения 20–30-х гг.* Книга первая. Сост. И.А. Курамжина. Москва 1992, с. 29.

⁶ Там же, с. 38.

Связь человека и птицы находит воплощение и в образе души-птицы умершего доктора: «бесприютная птица». В фольклорной традиции славян широко представлен этот мифологический мотив. «После разделения с плотью человека (в случае его смерти или во время сна) душа покидает тело, принимая облик [...] птицы»⁷.

Уже в первой главе *Утро* появляются птицы – постоянные персонажи повести, невольные жертвы надвигающегося голода и грядущего конца жизни: **ястребы** и **вороны** («затаиваются» в ветвях старой груши ястребы, «любят качаться... в бурю» на ветвях вороны). Птичий мир повести разнообразен, кроме уже упомянутых – это **павлин**, поющий **черный дрозд**, **журавли**, курлыкающие по зорям; **орлята** («Утрами в небе начинают играть орлята»), **индюшка** и **курочки** – «свидетели умирания». Птицы в повести символизируют прежнюю жизнь, и пока они живы, остается надежда на возвращение к нормальному существованию. Повествователь вспоминает первые радостные утра в Крыму, начинавшиеся криком павлина на крыше дома. «А без него будет еще чернее» в наступившие времена. «Бедные мои птицы! Они худеют, тают, но... они связывают нас с прошлым»⁸. По Шмелеву, существование птиц напоминает о прошлой жизни, сохраняя человеческое в человеке.

Во второй главе *Птицы* подробно описывается образ павлина, раскрывается общая участь людей и животных: ни те, ни другие никому не нужны: «Павлин... Бродяга-павлин, теперь никому не нужный [...]. Мой когда-то. Теперь – ничей, как и эта дачка. Есть же ничьи собаки, есть и люди – ничьи. Так и павлин ничей»⁹. Мысль о ненужности людей, собак, павлина связана в тексте с идеей отсутствия в мире Бога, с пустыми небесами: «Бога у меня нет: синее небо пусто»¹⁰.

Положение животных ужасно: они, как и люди, страдают от голода. «Все хотят есть, а солнце давно все выжгло». Павлин «становится дерзким вором, красавец с царственной поступью»¹¹. В главе подробно описываются повадки и поведение Павки, поиски пропитания и терпеливое ожидание приближающегося конца. Сюжетная линия павлина проходит почти через весь текст, рефреном в нем звучит «пустынный крик» павлина. В главе *Конец павлина* описывается его постепенный уход из жизни: «Ходил он по своему пустырю, ограбленный и забытый. [...] Он кормился

⁷ *Славянская мифология. Энциклопедический словарь*. Отв. ред. С.М. Толстая. Москва 1995, с. 173.

⁸ И.С. ШМЕЛЕВ: *Солнце мертвых...*, с. 17.

⁹ Там же, с. 15.

¹⁰ Там же, с. 26.

¹¹ Там же, с. 16.

своим трудом, где-то, чем-то. Теперь уж совсем – ничей. Затерялся в днях черных – кому теперь до Павлина дело»¹².

Птицы в описании автора подчиняются природному закону, им неизвестно, что закон уже не действует. Павлин «еще хотел жить, бедняга, своими силами хотел жить, – ничей»¹³.

В главе *Птицы* описывается индюшка с курочками, они, как и павлин, являются сквозными образами повести. Индюшка, высидевшая шестерых чужих курочек («чужим, она отдала им свою заботу»), по мере развития сюжета теряет одну за другой курочек. «Эх вы, горевая птица! Ты, беленькая Торпедка, совсем ослабла: стоишь, пленкой затягиваешь глазки... И ты, Жемчужка, невеселая. А ты, Жаднюха, упомяла оставленную вчера кефалью головку...»¹⁴. По очереди умирают курочки, сначала Торпедка, за ней Жаднюха. «Стоит под кипарисом, поклевывает головкой, затягивает глазки. Я понимаю: она уходит. Я беру ее на руки. Как пушинка!». В глазах у Торпедки застыло «холодное и пустое» солнце. «Это – солнце смерти». «Счастливая ты, Торпедка, – на добрых руках уходишь!»¹⁵.

После гибели Торпедки и Жаднюхи, на которую нападает коршун, у индюшки остается четыре курочки. «Жмутся к ней курочки [...], последние. Подрагивают на своем погосте. Жалкие вы мои... и вам, как и всем кругом, – голод и страх, и смерть. Какой же погост огромный!»¹⁶. В раскрытии образов курочек и других домашних животных (павлин – Павка, корова – красавица симменталка и «опора семьи» Тамарка, кобыла Лярва, собака Белка, козел Бубик) особую функцию выполняют зоонимы, позволяющие персонифицировать каждого из них и подчеркнуть ценность жизни любого живого существа.

Постоянное присутствие в жизни героя-повествователя в Крыму птиц, насекомых, домашних животных необходимо автору для того, чтобы передать масштаб разразившейся катастрофы, когда живые завидуют мертвым, а смерть, кровь и убийства становятся повседневной реальностью. «Убил... – слово совсем пустое»¹⁷. И в этом Шмелев близок Ивану Бунину в *Окайнных днях*: «День и ночь живем в оргии смерти»¹⁸.

В главе *Нянины сказки* есть авторское отступление, прерывающее сюжет о «хромой рыжей кляче» Лярве. Оно начинается словами «**Умирающие кони...**».

¹² Там же, с. 165.

¹³ Там же, с. 166–167.

¹⁴ Там же, с. 36.

¹⁵ Там же, с. 43.

¹⁶ Там же, с. 89.

¹⁷ Там же, с. 98.

¹⁸ И.А. Бунин: *Окайнные дни*. Москва 1991, с. 46.

Я хорошо их помню.

Осенью много их было, брошенных ушедшей за море армией добровольцев. Они бродили. Серые, воронные, гнедые, пегие... Ломовые и выездные. Верховые и под запряжку. Молодые и старые... Лили дожди. А кони бродили по виноградникам и балкам, по пустырям и дорогам, ломались в сады, за колючую проволоку, резали себе брюхо. По холмам стояли-ожидали – не возьмут ли. Никто их не брал: боялись. [...]

Я каждый день видел их на холмах – там и сям. Они стояли недвижно, мертвые и – живые. Ветер трепал им хвосты и гривы. Как конские статуи на рыжих горах, на черной синеве моря – из камня, из чугуна из меди. Потом они стали падать. Каждое утро я замечал, как их становилось меньше. Чаще кружились стервятники и орлы над ними, рвали живьем собаки. Долше всех держался вороной конь, огромный, – должно быть, артиллерийский. [...] Дни и ночи стоял, лечь боялся. Крепился, расставив ноги. [...] И на моих глазах рухнул на все четыре ноги – сломался. Повел ногами и потянулся...¹⁹

Среди образов животных на заклании²⁰ в повести Шмелева **кони** становятся непосредственными жертвами разыгравшейся исторической драмы, обреченными на гибель. «И угасающие глаза животных, полные с в о е й муки, непонимания и тоски. Зачем они т а к глядят? О чем просят?...»²¹. Их повелительные «зовы-взгляды» понятны герою-повествователю накануне «рождающегося дня-смерти» – «нездешние», они проникают в душу и просят «почтить светлую память бывших».

Одичавшие от голода люди крадут домашних животных: коров, коз, гусей, уток. В главе *Конец Бубика* повествуется о пропаже козла Бубика-Сударя (его у Марины Семеновны украл сосед по поселку дядя Андрей, чтобы не умереть с голоду), об исчезновении коровы отца дьякона. Уже всех кошек переловили, собачку отца Василия «недавно переняли», у Коряка корову зарезали, «у Букетовых корову свели». «Две-над-цатую корову режут...!»²².

В ряду других смертей наступает черед и коровы Тамарки (глава *Конец Тамарки*), однажды ночью ее уводят со двора. Собравшиеся на Горке люди с лицами «мертвецов ходячих» догадываются, кто мог это сделать. И отправляются на Тихую Пристань, ломают замок на флигеле, где находят останки козла Бубика. Финал рассказа неожиданный, что только усиливает его трагический смысл: у Григория Одарюка под полом нашли «коровью требушину и сало. Взяли. Помер у Одарюка мальчик, прому-

¹⁹ И.С. ШМЕЛЕВ: *Солнце мертвых...*, с. 51.

²⁰ 'Заклание' – «Высок., устар. На заклание (вести, обречь, отдать и т.п.) – на гибель, на смерть» – *Словарь русского языка в 4 т.* Т. I. Ред. А.П. ЕВГЕНЬЕВА. Москва 1981, с. 527.

²¹ И.С. ШМЕЛЕВ: *Солнце мертвых...*, с. 142.

²² Там же, с. 159.

чился – требушиной объелся, будто. Кожу коровью нашел матрос, в земле зарыта была»²³. Оказалось, Тамаркина. А вскоре и «короворезам» пришел конец (глава *Три конца*: «Помер Андрей Кривой. [...] Помер и Одарюк». Не дошел до больницы и третий, дядя Андрей. «До полудня не дожил – помер»²⁴. Общая участь всего живого – людей и животных – выражается в произведении в словах: «Все – обреченные»²⁵.

В *Солнце мертвых* автор не дает хроники событий, движение времени определяется природным циклом: происходящее в повести длится с конца лета до начала зимы: «Да какой же месяц теперь – декабрь? Начало или конец? Спутались все концы, все начала»²⁶. В первой главе *Утро* описывается **начало нового дня**: «Итак, новое утро...». Утро в ряду других таких же. В последней части *Конец концов* финальные слова – **о наступлении ночи**: «Солнце за Бабуган зашло. Синюют горы. Звезды забелели. [...] Вот уже и ночь. Дрозд замолчал. Зарей опять начнет... Мы его будем слушать – в последний раз»²⁷. Избранная повествователем позиция – «Я останусь свидетелем жизни Мертвых»²⁸ – объясняет, почему он нигде не называет год описываемых событий, что также служит целям создания эпически обобщающей картины. О событийном времени говорится опосредованно лишь в главе *Мemento мори*: «Это случилось лет пятьдесят тому... в тысяча восемьсот..., – вспоминает прошлое доктор. – Нет, конечно... ровно сорок лет тому, в восемьдесят первом году»²⁹.

Это повесть о «жизни Мертвых», поэтому календарь событий в ней отсутствует: «И дни никому не нужны», они «теперь ни к чему, и календаря не надо». Движение времени измеряется приближением **конца** – жизни, истории, света («Последние годы жизни, последние дни...»), а начиная с двадцатой главы, это слово вынесено и в наименования глав: *Конец Павлина* (Бубика, доктора, Тамарки), *Три конца* и *Конец концов*.

В названии повести Шмелева закреплён её центральный образ – «жизнь Мертвых». Символика заглавия³⁰ выражается в том, что оно строится на скрытом оксюмороне: жизнь (солнце как источник жизни) и смерть (мертвые). Солнце – сквозной образ произведения, оно свидетель и очевидец происходящего, немой укор хаосу, кровопролитию, одичанию. Солнце неподвластно той «слепой силе», что правит миром. Оно царит в своих

²³ И.С. ШМЕЛЕВ: *Солнце мертвых...*, с. 225.

²⁴ Там же, с. 239.

²⁵ Там же, с. 63.

²⁶ Там же, с. 240.

²⁷ Там же, с. 247.

²⁸ Там же, с. 240.

²⁹ Там же, с. 62.

³⁰ Анализу заглавия повести посвящена статья: Е.В. КАМАНИНА: *О смысле заглавия и подзаголовка «эпопея» в «Солнце мертвых» И.С. Шмелева*. В: *Наследие И.С. Шмелева. Проблемы изучения и издания...*, с. 135–142.

небесных пределах, оно «смеется», но надвигающийся «конец концов» – это «гибель цивилизации, умирание всего живого и даже смерть самого солнца»³¹. «И... солнце по кругу ходит. Вечно ли ходить будет... Придет и на него сила. И оно не будет ходить по кругу»³². Стихия смерти в повести символизирует грядущий Апокалипсис, о чем свидетельствует и образ, вынесенный в заглавие: это солнце тех, кто хотя еще и живы, но уже мертвы. И в глазах умирающих птиц отражается «оловянное солнце».

Сюжетная динамика «дневника-мозаики» определяется мотивом утраты жизненного смысла (все свелось к тому, чтобы убить время), физическим выживанием среди хаоса и кровопролития, неумолимым приближением конца жизни. В мире «ирреальной реальности» животные выполняют свою особую функцию: они первыми отправляются на заклание, погибая от голода и по вине одичавших людей. В описании животных автор уделяет особое внимание глазам (угасающие глаза животных, полные муки, непонимания и тоски³³) с целью показать, что становятся первыми невинными жертвами исторического катаклизма.

Abstract

Animals for Sacrifice (on Ivan Shmelev's Novel *The Sun of the Dead*)

The article analyzes the most tragic work of Ivan Shmelev about time at the end of the Civil War in Russia, about the "epic" *The Sun of the Dead*. The tragedy of the story that is in its title gradually grows and intensifies in accordance with the dynamics of the plot action, realized in the motives of survival-dying and impending apocalypse. In the picture of the dying world, animals have an exclusive role, they are destined to be the first to go for sacrifice, whether they are birds (peacock, eagle, hawk, pigeons, etc.) or domestic animals (horse, cow, dog, cat). In the development of their characters, a special function is performed by zoonyms that allow each of them to be personified and to emphasize the value of the life of any being.

Keywords:

animals, sacrifice, novel, motive, title

Abstrakt

Zwierzęta składane w ofierze (na podstawie noweli Iwana Szmielowa *Słońce umarłych*)

Artykuł zawiera analizę najtragiczniejszego dzieła Iwana Szmielowa – „epopei” *Słońce umarłych*, opisującego ostatnie chwile wojny domowej w Rosji. Tragizm opowieści, wybrzmiewający w tytule, narasta stopniowo i nasila się wraz z rozwojem akcji, realizując się w motywach przetrwania-umierania oraz zbliżającej się apokalipsy. W obrazie ginącego świata zwierzęta odgrywają wyjątkową rolę, są pierwszymi stworzeniami, które składane są w ofierze – niezależnie od tego,

³¹ Л.А. Спиридонова: *К вопросу о творческом методе И.С. Шмелева*. В: *Наследие И.С. Шмелева. Проблемы изучения и издания...*, с. 6.

³² И.С. ШМЕЛЕВ: *Солнце мертвых...*, с. 93.

³³ Там же, с. 142.

czy są to ptaki (paw, orły, jastrząb, gołębie itp.), czy zwierzęta domowe (koń, krowa, pies, kot). W rozumieniu ich losów szczególną funkcję pełnią zoonimy, które pozwalają na personifikację każdego ze zwierząt i podkreślają wartość życia wszystkich stworzeń.

Słowa kluczowe:

zwierzęta, ofiara, nowela, motyw, tytuł